

И. В. Лукоянов

М. М. Сперанский и его проекты переустройства государственного строя России: конституция или защита самодержавия?

Хотя деятельность М. М. Сперанского по подготовке проекта преобразования государственного строя России неоднократно становилась предметом изучения историков, попыток ее серьезного анализа было предпринято немного. Можно отметить существование в историографии нескольких точек зрения на его реформы, которые почти одинаково уязвимы для критики и содержат ряд противоречий. Разногласия среди историков значительны, несмотря на общее согласие в том, что это были реформы с учетом опыта Французской революции и ее итогов. Но конкретные оценки заметно расходятся.

Еще в начале XX в. наметились основные точки зрения. А. Е. Пресняков, автор исторических портретов нескольких царей, назвал планы Сперанского, согласованные с Александром I, «проектом русской конституции»¹. В некотором противоречии с такой оценкой он также отметил, что, несмотря на стремление к конституции, царь был против устранения «из практики самодержавного государства приемов личного управления»². У Преснякова получается, что именно это и стало причиной конфликта между монархом и бюрократом: Александр I объявил, что Сперанский «вовлек меня в глупость», и уклонился от того, чтобы реализовать весь его план. Именно с прерогативами самодержавной власти Пресняков связывает отказ от расширения круга полномочий

Сената, а также подчинение Комитета министров царю. Историк нигде не утверждал, что Россия не была готова к конституции, но идее нового порядка следовало выдержать схватку с охранением монарших prerogatives, в которой традиция победила. В целом логичная конструкция Преснякова, хорошо согласующаяся с известными характеристиками царя, однако, вступает в противоречие с дальнейшим ходом событий. Если конституция для России была «глупостью», то почему самодержец практически ввел ее в Польше и обещал сделать то же в Финляндии?

Развитием идей Преснякова (колебания царя при изначальном желании установить в России конституцию, сохраняя prerogatives самодержавия) можно считать оценку деятельности Сперанского А. Н. Цамутали³. Соглашаясь с тем, что бюрократ действовал в рамках договоренности с монархом, историк признавал за ним большую самостоятельность, чем простая реализация конкретных царских повелений⁴. С этим согласуется другое представление исследователя — о цельности поиска общего направления реформ. Он даже склонен рассматривать преобразования, проведенные согласно проектам Сперанского, не как часть его более широких замыслов, а как законченную и воплощенную в жизнь реформу⁵. Различия в документах Цамутали объясняет отступлениями по отношению к первоначальному замыслу, т. е. расценивает их как динамично менявшийся, но при этом единый план. Парадокс этой оценки состоит в том, что одновременно историк пытается показать, что осуществленная реформа была не такой, какой ее задумывал Сперанский. Неизбежно возникает вопрос: какие вообще элементы следует отнести к «плану» Сперанского? Цельность также контрастирует с некоторыми общими оценками проектов чиновника: Цамутали резюмировал, что реформатор так и не смог обеспечить для России монархию по типу английской⁶, что, по-видимому, и является показателем цельности. Детально взгляды и предложения Сперанского историк не анализировал, но его общие оценки (о подчеркнуто важной роли Сената или о стремлении императора подчинить исполнительную власть себе) перекликаются с оценками Преснякова.

Иным путем пошел С. В. Мироненко, поместив черновики Сперанского в контекст европейской мысли и параллельно в ряд схожих по содержанию проектов ограничения самодержавия⁷. Подчеркнув созвучность идей чиновника мыслям Александра I об ограничении самодержавия (речь идет прежде всего о представительном институте законодательной власти в виде Государственной думы, реально ограничивающей монарха), историк таким образом отодвигает на второй план известные суждения Александра I о сохранении царских prerogatives. Несмотря на краткий анализ проектируемого изменения государственного строя, из книги Мироненко однозначно следует, что Сперанский — западник, конституционалист, сторонник введения парламента в России и отказа от самодержавия, а император — его единомышленник.

Наиболее обстоятельное и аргументированное исследование проектов Сперанского принадлежит Т. В. Андреевой⁸. Она расширила изучение их содержания до более общих проблем: какие цели преследовал Сперанский и была ли Россия готова к его реформам? Другая ее важная инициатива — рассматривать целый комплекс текстов Сперанского, куда Т. В. Андреева наряду с уже опубликованными и хорошо известными исследователям проектами включила также рукописи. Это позволило ей сделать ряд новых и аргументированных выводов и наблюдений. Так, оказалось, что преимущественное внимание Сперанский уделял представительству сословных интересов (что плохо сочетается с идеалами Просвещения), но параллельно с этим также постоянно писал о важности комплекса прав. Рассматривая идеи Сперанского по преобразованию как центральной, так и местной власти, Т. В. Андреева, соглашаясь с тем, что они были согласованы с Александром I, одновременно показывает, что в них были расхождения (например, роль Сената)⁹. Несмотря на то что Т. В. Андреева, как и большинство ее предшественников, рассматривает законодательные проекты Сперанского как конституцию, она подчеркивает их незавершенность, а в ряде случаев и прямые противоречия. Например, в 1803 г. чиновник соглашался с тем, что самодержавная конституция в России может быть «без всякого раздела власти законодательной от власти исполнительной»¹⁰. Это очевидно свидетельствует о шаткости даже принципиальных понятий конституционной монархии Сперанского, не говоря уже о деталях.

Поэтому совершенно справедливой выглядит характеристика, данная Андреевой всей правовой конструкции Сперанского, — как противоречивой и неоконченной в 1802 г. (не во всем определенная и слишком значительная роль Сената, отсутствие четких разграничений между ветвями власти), что заставило вернуться к ее доработке в 1808 г., разумеется, по инициативе Александра I¹¹. В появившемся осенью 1809 г. комплексе из четырех уже лучше продуманных текстов Андреева первой заметила некоторое смещение вектора законодательских усилий Сперанского с декларации принципов, заимствованных прежде всего из симпатичного лично Александру I опыта послереволюционной Франции и Наполеона, на укрепление в этой системе прерогатив монарха. Правда, аргументы для такого наблюдения неочевидны. Мне представляется, что сохранение за Государственным советом лишь законосовещательной роли, при том что за Государственной думой, пусть и не в очень ясных выражениях, но как будто сохранялись законодательные функции¹², следовало бы трактовать как введение многоступенчатости законодательного процесса, в котором Дума стала бы играть лишь роль одного из фильтров, но не решающей инстанции. Отсюда же, кстати, проистекает сравнение веса палаты депутатов с министром или Сенатом — насколько малозначительнее это полномочий императора. Констатируя понизившуюся конституционную решимость Александра I и Сперанского через анализ деталей проектов, Андреева одновременно пришла к общему пессимистическому выводу: для конституции в России не было условий, прежде

всего отсутствовали гражданское общество и средний класс¹³. Последний вывод, не проистекающий прямо из анализа текстов Сперанского, представляется спорным. Да, действительно, участие населения в законодательной работе требует известного уровня общественной готовности (в Европе парламентские структуры создавались как представительство интересов собственников), но каким образом его определить? Путь опережающего развития имперских институтов по отношению к социальному строю, заданный Петром I, неоднократно показывал, что и в таких условиях возможно получить положительные результаты. Разве у России имелись все условия для создания Сената? Академии наук? Системы городского выборного управления (ратуши)? Гражданское же общество и формируется как раз через участие населения в выборных институтах. Поэтому представляется, что сама по себе идея создания конституции в России в начале XIX в. с опорой на лучшие европейские традиции не была чистой утопией. Но как эти принципы следовало приспособить к российским реалиям?

Идея данной статьи состоит в анализе планов Сперанского с другой позиции. Что доминировало в них: заимствованные принципы европейского конституционализма, наиболее передовые для XVIII в., либо защита прерогатив неограниченного самодержавия, прозвучавшая еще в «Наказе» для Уложенной комиссии Екатерины II, в новых исторических условиях?

Если Петр I сформировал в созданной им Российской империи самую современную на тот момент для Европы политическую систему абсолютизма, то столетие спустя тенденция уже решительно поменялась и на повестку дня вышли конституция, разделение властей, создание представительных учреждений и ограничение самодержавия. Разумеется, нет оснований утверждать, что к царствованию Александра I в России сложились все внутренние социальные предпосылки для такого преобразования политического строя. Но это не мешало действовать «на опережение». Как бы ни объясняли впоследствии намерение Екатерины II созвать Уложенную комиссию, в которой можно усмотреть ряд черт как Учредительного собрания, так и парламента, факт остается фактом: комиссия из депутатов от всех свободных сословий была избрана и созвана и перед ней были поставлены законотворческие задачи. Разумеется, общество оказалось не готово к полноценному участию в законодательной деятельности, но это не отменяет саму попытку, включая весьма передовой «Наказ», составленный лично Екатериной II с опорой на достижения исключительно европейской мысли¹⁴. Спустя менее чем 40 лет ее внук опять вернулся к этому вопросу — разве в таком случае нельзя говорить о преемственности? Более того, идеи молодого императора представляли собой развитие все тех же идеалов века Просвещения, т. е. отражали достижения прежде всего французской философии и правоведения. Вероятно, именно эта проблема — желание заимствовать передовой опыт с одновременным пониманием сложности задачи (нужна серьезная адаптация!) — и находилась в основе всех рассуждений и правовых конструкций Сперанского.

Можно отметить преемственность с екатерининской комиссией: если императрица полагала необходимым сохранить неограниченное самодержавие, то Сперанский с первых своих опытов обозначил императора источником всего в России, в том числе и реформ, что неоднократно повторял. Это сразу шло вразрез с идеологией Просвещения, но парадоксальным образом укладывалось в российскую специфику: заниматься опережающим реформированием можно было только с опорой на неограниченную монархию. Параллельно чиновник весьма скептически отнесся к трудам предшественников. В незаконченном сочинении «Отрывок о комиссии уложения» он иронично оценил усилия Уложенной комиссии и других, бравшихся за переработку отечественного законодательства: «...хотела заставить черемис и остяков размышлять и умствовать»¹⁵. Насмешливое отношение к идее «допустить» русский народ «к великому делу законодательства», по-видимому, отражало понимание того, что надеяться на инициативу обывателя не приходится, т. е. что в России нет гражданского общества, заинтересованного в участии в законодательном процессе. В дальнейшем Сперанский эту тему не развивал, тем не менее для себя жанр нового документа он сразу определил как конституцию (а не новое уложение, которое не давало гражданам прав)¹⁶. В более поздней терминологии это звучит как октроированная конституция. Он понимал неизбежность связки «граждане — права», знал, что в Европе источником власти монарха является воля народа («Во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творение народа, а в правлениях законных права граждан непоколебимы»)¹⁷. Сперанского также очень интересовал вопрос, как защитить основы нового строя от любого произвола: «Каким образом коренные законы государства соделать столько неподвижными и непеременимыми, чтобы никакая власть преступить их не могла и чтобы сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела?»¹⁸ Эти идеи — правосубъектности народа и отношения к нему как к источнику права у Сперанского встречаются неоднократно в разных его текстах, что абсолютно созвучно передовой европейской политической мысли XVIII в. Эта же правосубъектность признавалась де-факто Екатериной II в ее «Наказе» Уложенной комиссии. Важно отметить, что правовое государство в России по Сперанскому стоит в его планах на первом месте, монархическое правление должно быть ему «сколь можно близко», но все-таки ему отведено второе место. Законодательство (то, что Сперанский называет «коренными законами», сейчас бы определили как основные законы) у чиновника, по сути, отделено от самодержавия. Царь не имеет возможности вмешаться в его содержание, даже защиту «коренных законов» он возлагает не на монархию, а на «две силы... охраняющие закон в его исполнении: 1) сила общего мнения; 2) власть сословия, особенно для сего установленного»¹⁹. Суть отношений министров и монарха также базируется на законе. Действительно, таким порядком монарх сознательно ограничивает свою власть, и это полностью соответствует тогдашним европейским представлениям.

Однако, сообразуясь с отечественными реалиями, Сперанский ставит перед собой задачу, совершенно не вытекающую из идеологии эпохи Просвещения: «...установить свойства, какие должно иметь управление в России, чтобы оно было сколь можно близко к монархическому и не разрушало бы, однако же, настоящего порядка»²⁰. В деталях это оказывается передачей в высшую компетенцию самодержца всего остального, начиная с утверждения законов и принятия важнейших распорядительных решений. Он прямо признает полную неограниченность царских прерогатив как объединение законодательной и исполнительной власти. Например, рассуждая о взаимоотношениях Сената, Совета и Комитета министров, он сразу утверждает, что «ни одно из сих мест собственной политической силы не имеет: все они зависят и в начале, и в конце... от единой воли и мановения силы самодержавной»²¹. То есть один из краеугольных камней европейской политической мысли, заключающийся в разделении властей, Сперанский сохраняет лишь формально, проговариваясь, что «различия существенного... между собою они не имеют»²². Законодательная и исполнительная власть «в существе своем суть два отдельных внутреннего государева кабинета; но в мнении народном представляют места внешние и умеряют собою самодержавие»²³. Похоже, что это суть подхода Сперанского: не меняя ничего по существу в самодержавном устройстве власти, создать видимость ограничения самодержавия по европейским рецептам. Сенат в этой системе никакой роли не играет, он вводится Сперанским как дань традициям²⁴.

В 1809 г. эта система сохранилась в основных своих чертах в прежнем виде. Сперанский по-прежнему возводил источник трех властных сил — законодательной, исполнительной и судной — к народу, также он настаивал на неразрывности и неотъемлемости гражданских и политических прав, обещая в противном случае рабство²⁵. Однако при попытке уточнить детали чиновник вдруг то признает это право, то отвергает его вообще, то пытается связать его с ответственностью, не уточняя, какой именно²⁶. В этих колебаниях можно усмотреть сомнение в правосубъектности народа, и, соответственно, конституция уже не станет рассматриваться как результат общественного договора. Но все это неочевидно и очень противоречиво. Видно, что идейная конструкция, которая призвана быть фундаментом реформ, далека от завершения. В остальном у него остается неограниченное самодержавие. И судебная, и законодательная власти свободны лишь в своем мнении, но «на самом деле» должны были находиться «под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной»²⁷. Каких-то новых мер по защите его прерогатив незаметно, поэтому предположение Т. В. Андреевой о некотором изменении вектора мысли реформатора в сторону обеспечения прерогатив царской власти не находит подтверждений.

Резюмируя сказанное, следует признать, что проект реформ Сперанского, который сохранился в его бумагах 1802–1809 гг., отразил конструкцию, фундаментом которой являлась конституция — основной и неизменяемый закон, основанный на признании политических и гражданских прав народа

и исключаящий самодержавие как их источник и как ничем не ограниченную власть. На этот фундамент чиновник попытался водрузить российскую монархию, которая, несмотря на все заявления, не теряла своей полновластности. Все же оговорки о разделении властей, о создании выборной законодательной Государственной думы нивелировались тем, что все ветви власти, формально независимые, по-прежнему восходили к царю, а Дума по своему статусу напоминала не настоящий парламент, а лишь фильтр в целой цепочке законодательных действий. Внутренняя противоречивость всей конструкции существовала с самого начала и сохранялась примерно в тех же пропорциях все время разработки реформ. Тем не менее в российской практике государственного реформирования это был лишь второй, вслед за екатерининской Уложенной комиссией, случай, когда в основе реформы лежали идеалы эпохи Просвещения, а не защита полновластного самодержавия. Мы не знаем, о чем совещались Александр I и Сперанский во время их частых и длительных встреч в те годы, но можно полагать, что столь противоречивая конструкция была плодом фантазии монарха. О его настойчивом конституционализме свидетельствуют открытие польского Сейма и планы даровать конституцию Финляндии. Но о крайней противоречивости царских представлений одновременно говорит оставшаяся в проекте Уставная грамота Российской империи. Несмотря на то что изменение государственного строя свелось к учреждению законосовещательного Государственного совета, для того времени это был шаг вперед, хотя и незначительный, приучающий общество к мысли о публичности законодательного процесса. Не обращаясь здесь к вопросу, почему Александр I отказался от большинства преобразований, им же задуманных и согласованных, очевидно, что реальное движение по конституционному пути уже в начале XIX в. оказалось сильно ограниченным, а при Николае I — и вовсе невозможным.

¹ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 181.

² Там же. С. 184.

³ Цамутали А. Н. Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 213–221.

⁴ Там же. С. 213–214.

⁵ Там же. С. 220–222.

⁶ Там же. С. 219.

⁷ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в. М., 1989. С. 28–31.

⁸ Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. СПб., 2001. С. 42–45.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Там же. С. 60–61.

- ¹² Там же. С. 64–67. Автор признала за Государственной думой лишь законосовещательный статус (с. 67), но для такого утверждения нет достаточных оснований.
- ¹³ Там же. С. 69.
- ¹⁴ Это признал и М. М. Сперанский, в 1809 г. весьма высоко оценив результаты Уложенной комиссии: «...все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы» — все использовано в комиссии (*Сперанский М. М.* Введение к Уложению государственных законов (1809 г.) // Проекты и записки / Ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 157–158).
- ¹⁵ *Сперанский М. М.* Отрывок о комиссии уложения (1802 г.) // Там же. С. 18.
- ¹⁶ Там же. С. 22.
- ¹⁷ Там же. С. 21.
- ¹⁸ *Сперанский М. М.* О коренных законах государства (1802 г.) // Там же. С. 28.
- ¹⁹ *Сперанский М. М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.) // Там же. С. 109.
- ²⁰ Там же. С. 87.
- ²¹ Там же. С. 117.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 126.
- ²⁴ Там же. С. 117–118.
- ²⁵ *Сперанский М. М.* Введение к Уложению государственных законов (1809 г.) // Там же. С. 145, 147–148.
- ²⁶ Там же. С. 178, 186–187.
- ²⁷ Там же. С. 164, 166.

References

- ANDREEVA T. V. *Alexander I i M. M. Speranskii: echshie raz o "Plane vseobshhego gosudarstvennogo obrazovaniia" 1809 goda* [Alexander I and M. M. Speransky: once again about the "Plan for a General State System" of 1809. In Russ.] // *Angliiskaia naberezhnaia*, 4. St. Petersburg, 2001. P. 41–74.
- MIRONENKO S. V. *Samoderzhavie i reformy: politicheskaia bor'ba v Rossii v pervoi chetverti XIX veka* [Autocracy and reforms: Political struggle in Russia in the first quarter of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1989.
- PRESNIAKOV A. Ye. *Rossiiskie samoderzhtsy* [Russian autocrats. In Russ.]. Moscow, 1990.
- SPERANSKII M. M. *Proekty i zapiski* [Projects and notes. In Russ.] / Red. S. N. Valk. Moscow; Leningrad, 1961.
- TSAMUTALI A. N. *Nachalo krizisa imperii. Samoderzhavie Alexandra I i Nikolai I* [The beginning of the crisis of the empire. Autocracy of Alexander I and Nicholas I. In Russ.] // *Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii*. St. Petersburg, 1996. S. 199–282.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Лукоянов. М. М. Сперанский и его проекты переустройства государственного строя России: конституция или защита самодержавия? // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 117–125

Аннотация: Статья посвящена планам М. М. Сперанского — Александра I по введению в России начала XIX в. конституции и одновременному сохранению самодержавия. Рассматриваемые в контексте проектов реформирования государственного строя Российской империи в XVIII–XIX вв., эти планы представляют собой оригинальную попытку сочетать европейские конституционные порядки, вызванные к жизни эпохой Просвещения, и неизменное стремление к охранению неограниченной монархии. Особенность проектов Сперанского заключается в попытке найти своеобразную точку равновесия двух этих начал.

Ключевые слова: самодержавие, конституция, реформы, неограниченная монархия.

FOR CITATION

I. V. Lukoyanov. M. M. Speransky and his projects for the reorganization of the state system of Russia: a constitution or protection of the autocracy? // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 117–125

Abstract: The article deals to the plans of M.M. Speransky — Alexander I on the introduction of a constitution in Russia at the beginning of the 19th century and the simultaneous preservation of autocracy. Considered in the context of the projects for reforming the political system of the Russian Empire in the 18th–19th centuries, these plans represent an original attempt to combine the European constitutional orders, brought to life by the Enlightenment, and the unchanging desire to protect an unlimited monarchy. The peculiarity of Speransky's projects lies in an attempt to find a kind of balance between these two principles.

Key words: autocracy, constitution, reforms, unlimited monarchy.

Автор: Лукоянов, Игорь Владимирович — д. и. н., заместитель директора по научной работе СПбИИ РАН.

Author: Lukoyanov, Igor Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Deputy Director in Science, SPbII RAN.

E-mail: lukoianov@yandex.ru